

ЧАСТЬ I. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

РАЗДЕЛ 1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

НОМО PARADOXES: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

А Ю. Агафонов

Выражаю благодарность своей жене, Агафоновой Светлане, за терпимость к моему парадоксальному поведению, а значит, и за неоценимую помощь в подготовке статьи.

Истина о человеке звучит парадоксально.

Лао Цзы

Человек – есть существо парадоксальное. Сущность человека и его явление в мире на протяжении многовековой истории мысли волновало умы лучших представителей человечества. Религиозный, философский и научный опыт прошлого хранит образцы тончайшей интуиции, глубокого умопостижения, смелых, а порой и мужественных прозрений относительно загадочной природы человечности. Даже Сократ, всю жизнь вопрошавший о человеческом в человеке, открывавший пути другим к знанию себя, сделал парадоксальное признание: «Я знаю, что я ничего не знаю». Несомненный прирост человекознания не только не увеличивает доли нашего понимания, но, как это ни покажется странным, расширяет горизонты нашего незнания. Происхождение человека, его присутствие в мире всегда будут окутаны притягательной, пленительной таинственностью. «Границ души не отыскать, по какому бы пути ты ни пошел: столь глубока ее мера,» – говорил еще Гераклит Эфесский. Человек как «микрокосм в макрокосмосе», как «...сосредоточие всех загадок мира» (Протагор) всегда был и будет неопределяемым до конца, уникальнейшим объектом изучения. Какое бы знание о человеке мы ни имели, оно всегда окажется неполным. И, хотя, в системе наук психология заняла свое достойное место, ограниченность средств и целей научного психологического исследования всякий раз обнаруживает себя в перспективе более широкого рассмотрения проблемы человека. Тем не менее, неизлечимая зависимость от такого рода познания, радость путешествия в неизведанный мир, притяжение открывшейся бездны потаенного, и, вместе с тем, тщетность желания иметь твердую почву под ногами, иллюзорность познавательной силы, смехо-

творно-примитивное оснащение средствами опытного изучения создают колоссальное напряжение в поле познавательного поиска. В этом – «блеск и нищета» психологии, но и вызов всем тем, чье служение психологии становится жизненным выбором. И как не вспомнить здесь Ф.М. Достоевского, считавшего, что человек есть тайна, и если ты посвятил свою жизнь раскрытию этой тайны, то считай, что жизнь твоя прожита не зря.

Банальность утверждений о том, что познание человека безгранично и что цель – установление окончательного и исчерпывающего знания о человеке – является принципиально недостижимой, прежде всего в силу специфики самого объекта познания, на самом деле, в ракурсе парадоксального видения, воспринимается не как нечто очевидное и потому не требующее доказательств, а скорее, как некое недоразумение, как аномалия мышления. Ведь познавательная деятельность, в том числе и ориентированная на изучение «человеческой ситуации», не может не иметь определенной конечной цели. Именно виртуальная цель организует пространство познавательного поиска. Цель, вместе с тем, выступает и граничным условием нашего мышления, то есть конституирует активность субъекта как целеустремленной системы. Цель выстраивает «функциональную систему» (П.К. Анохин), в данном случае – «функциональную систему» рефлексивного сознания. Если нет цели, лишен смысла и сам процесс познания. С другой стороны, если бы мы априори имели представление о том, что должно стать эффектом реализованного процесса познания, последнее, по определению, не могло бы существовать, так как энтропия проблемного поля есть необходимое условие желаемого порядка понимания, негэнтропии кристаллизованного в смыслах знания. Мне видится единственная точка, в которой размыкается порочный круг указанной парадоксальности: познание не имеет цели за пределами себя. Цель, а значит и смысл познавательных форм активности субъекта имманентно содержатся в самом процессе познания. Принципиальная невозможность постичь существо человеческого бытия, тем самым ни в коей степени не обесценивает познавательные усилия. Цель находится по «сию сторону познания» и достигается в каждый момент познавательной включенности. Если правомерно с точки зрения разрешающей способности нашего мышления ставить вопрос об эволюционном смысле человеческих форм отражения, о смысле возникновения сознания, то наиболее приемлемым вариантом ответа на этот вопрос следует признать утверждение: именно познание является результатом того эволюционного сдвига, который породил психические формы жизни. Человеческое познание как эволюционное новообразование – есть модус существования психики. [1] Вне познавательной активности человек, тем более будучи носителем сознания, существовать не может. Психические процессы строятся из материала, полученного в ходе познавательной активности, и поэтому психика как модель действительного мира является уникальной формой представления реального в идеальном, объективного в субъективном, конечного в бесконечном. Психическое прежде всего имеет

гносеологический статус. Человек связан с миром неразрывными невидимыми нитями познания. Целью и смыслом познания является сама человеческая жизнь. Думается, не случайно в современных учебниках по психологии соответствующие разделы, посвященные феноменологии психических процессов, обозначены как «познавательные процессы», поскольку психическая активность по своей сути организована как активность познавательная.

1. УСЛОВИЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ HOMO PARADOXES

Парадоксальность не является имманентно присущим качеством человека. Побудительным началом парадоксального восприятия является его же, человека, *пристрастное* рефлексивное сознание. Иначе, для того, чтобы существовал образ объекта, не достаточно наличия самого объекта, необходима способность отражающего субъекта воспринимать его *определенным* образом. То есть, в терминах Д.Н. Узнадзе, продукты психической активности (читай: познавательной активности) во многом определяются или, скорее, «до-определяются» (М.К. Мамардашвили) установкой, предвещающей познавательные интенции. Готовность понимать (воспринимать, представлять, мыслить, эмоционально переживать) определенным образом – есть условие, установленное самим сознанием, что само по себе требует адекватного, правдоподобного объяснения. А это предполагает анализ причин свободного, сознательного выбора, то есть, фактически, определение причинности свободы (а не «свободной причинности»), чему посвящены работы В.А. Петровского [13, 14]). Как известно из истории философии, проблема детерминации свободы является одной из самых трудноразрешимых. Возвращаясь к сказанному, подчеркнем, что парадоксальная атрибутика человека открывается только в фокусе соответствующего «взгляда» сознания. И это может быть только собственный взгляд, так как сознание в своем содержании открыто только его носителю. О сознании другого мы можем только предполагать, верить в его существование, быть в этом убежденными, но *иметь* сознание другого человека нельзя. И опыт сознания в качестве «непосредственного опыта» дан только в уникальном, частном и, потому, без изменений не транслируемом виде. То есть передать содержание своего сознания в неповторимом присутствии его во мне невозможно, да и абсолютно немислимо. Как замечает В.М. Аллахвердов: «Мое переживание - всегда только мое переживание» и «то, что переживается мной как очевидное, не может быть передано другому лицу в качестве столь же очевидного». [15] Таким образом, сознание – это всегда эго-сознание. Акты сознания, равно как и результирующие эффекты сознательной деятельности другого человека, «трагически невидимы» в моем познавательном контуре, однако это не значит, что внутреннее содержание сознания его носителя не является для него очевидной данностью, непреложным, неоспоримым фактом. Тем самым прозрачность психического процесса, текучесть любого психического образования, нефиксированность продуктов психической активности (ощущений, образов, мыслей, эмоций) в чем-либо не устраняет монополярной возможности субъекта

отчетливо различать эти содержания в своем пространстве сознания посредством своего же сознания. Как известно, Картезий это положение, рассмотренное в аспекте *cogito*, сделал первым принципом своей философии. В чем угодно можно сомневаться, но в существовании ментального содержания человек, обладающий когитальной способностью, сомневаться не может при всем желании, по крайней мере, если он психически здоров.

Как уже было сказано, для человека явление мира открывается в познании. Ни в мире, ни в самом человеке (как бы это парадоксально ни звучало) то, что обнаруживается его сознанием, не присутствует. Именно связь, со-бытие человека и объекта, человека и другого человека, человека с самим собой и, наконец, человека и мира, структурирует область познавательного открытия. По существу, продукты познавательной деятельности локализованы внутри этой связи. Познание не просто связывает познающего субъекта и объект познания, а является формой существования и того, и другого. Онтологическое присутствие объекта познания опирается на гносеологическую основу. Это, естественно, не означает, что объект не существует вне познания. И для психологии не столь важен вопрос об онтологическом статусе познаваемого. Куда важнее решение проблемы представленности объектного в мире субъектности. Вещи в действительности могут быть чем угодно, и существенно не то, чем они являются реально, а то, что они значат для нас и каким образом существуют в нас. Таким образом, объект познания не есть тот же самый объект вне познания. Объект и субъект познания связываются в неразрывное целое, которое есть суть одно. О недопустимости разграничения субъектного и объектного миров указывал еще Павел Флоренский, считая, что познание, являясь как онтологическим, так и гносеологическим актом, одновременно представляет собой и идеальный, и реальный процесс. «Познание – есть реальное *выхождение* познающего из себя или, – что то же, – реальное *вхождение* познаваемого в познающего, – реальное единение познающего и познаваемого». [18] Это справедливо для любых форм познавательной активности человека. Как указывает Э.К. Липинь: «... простейшие образы уже изначально существуют в системе *соотнесения* (- А.А.) с внешними предметами, причем верно и обратное – механизм соотнесения является одновременно механизмом формирования чувственного образа... Образ существует до тех пор, пока продолжается процедура соотнесения.» [8] Здесь для нас главным образом важно указание на взаимонеобходимость, взаимозависимость человека как носителя сознания и мира как отражаемой реальности. В свою очередь, Кассирер, отмечая роль направленности познания на предмет, рассматривает последний не вне нахождения субъекта, не как нечто внеположенное ему, а как единственно существующее в процессе познания. Предмет конституируется сознанием в ходе познавательной деятельности (См. [8]). Аналогично М.К. Мамардашвили предлагает понимать процедуру прочтения текста: текст пишется актом его чтения. [11] Наиболее точно проблему взаимопричинности субъект-

ного и объектного миров сформулировал А.Н. Леонтьев: «Действительная противоположность – есть противоположность образа и процесса, безразлично внутреннего или внешнего, а вовсе не противоположность сознания, как внутреннего, предметному миру, как внешнему». [6] Характер познавательного отношения человека (которое в действительности есть всегда взаимоотношение познающего субъекта и объекта познания) выражается в специфичности продуктов познания. Исходя из этого, *Homo Paradoxes* не есть эволюционный вид, не есть определенный тип человека или конкретный индивидуум, это не нечто, имеющее узнаваемое бытие-в-мире. Человек парадоксальный не есть также парадоксальный взгляд на человека. Вместе с тем, это, конечно же, именование существующего. Соотнесенность, сопряжение познавательно нацеленного сознания, «видящего» через призму парадокса и объекта познания формируют условия существования *Homo Paradoxes*. Именно условия, так как «рождение» человека, несущего в себе парадоксальность, является труднейшей, ответственнейшей и не гарантирующей решения задачей. Ведь человек посредством своего сознания должен нечто понять о самом сознании и в открытых парадоксальностью возможностях понимания узнать что-то, что придает чудесным образом силы двигаться дальше по пути исследования, то есть, пути, всегда, в конечном итоге, ведущем человека к самому себе.

Попробуем кратко охарактеризовать базовые воплощения парадоксальности. И коль скоро, благодаря сознанию, человек приобретает неограниченное количество степеней свободы, в том числе и свободы в выборе тех призм (*Homo Sapiens*, *Homo Faber*, *Homo Ludens*, *Homo Economics*, *Homo Morales*, *Homo Paradoxes* и т. д.), через которые рассматривает свою собственную сущность, то следует описание феноменологии парадоксальности начинать с самой проблемы сознания. Ведь, как заметил М.К. Мамардашвили, «всякий, кто глубоко занимается сознанием, входит в сферу парадоксальности, к которой невозможно привыкнуть». [9]

2. ПАРАДОКС ПРОИСХОЖДЕНИЯ СОЗНАНИЯ

Для чего в мире существует нечто, именуемое «сознанием»?

Если допустить (а начальные допущения неизбежны), что сознание предназначено для порождения смыслов в процессе познавательной деятельности и их реализации в русле человеческих форм взаимодействия с миром: поведение, общение, деятельность, то в чем смысл самого сознания? Как возникло сознание в процессе филогенеза? Как оно возникает в онтогенезе?

Надо признать, что по сей день нет удовлетворительных ответов на эти вопросы. Если сознание порождает само сознание, то оно должно существовать до своего возникновения, что абсурдно. В то же время, с трудом можно себе представить, что происхождение человеческого сознания носит случайный, недетерминированный характер, что оно эволюционно бессмысленно, или ему придается смысл неведомым нам сознанием, реализуемом на других биологических

или иных носителях. Природа субстрата возможного, нечеловеческого сознания человеком не может быть понята, в противном случае мы бы имели дело с тем же сознанием, носителями которого являемся сами. Что же послужило доминирующей причиной возникновения сознательных форм жизни? Какие эволюционные задачи этим решаются? Подобные «проклятые» вопросы, по всей видимости, всегда будут стимулировать движение философской и научной мысли. Одно предельно ясно: не само сознание себя порождает – продуктом сознательной деятельности могут быть образы (первичные, вторичные), переживания, мысли, но не сам механизм порождения.

2.1. Объяснения возникновения сознания на основе биологической целесообразности, понимаемой как эволюционная необходимость, которая диктуется требованиями приспособления к изменению средовых условий, вызывают известные сомнения и их едва ли можно признать удовлетворительными. Как указывает Э. Фромм: «Появление человека можно определить как возникновение той точки в процессе эволюции, где инстинктивная адаптация свелась к минимуму. Но человек появился с новыми свойствами, отличающими его от животного: осознанием себя как отдельного существа; способностью помнить прошлое, предвидеть будущее и обозначать предметы и действия символами; разумом для постижения и понимания мира и воображением, благодаря которому он выходит далеко за пределы своих ощущений». [19] То есть, другими словами, вместо ослабленных инстинктивных способностей к адаптации, у человека возникают механизмы сознательного отражения и регуляции своей деятельности. Но если, не имея таких механизмов, «дочеловек» не может приспособиться к изменениям окружающего мира, биологически слаб перед усложнением средовых воздействий, то за счет чего возможно выживание? Вель сознания как аппарата адаптации еще нет, а биологические возможности приспособления уже исчерпаны. Э. Фромм, определяя человека как «самое беспомощное из всех животных», почему-то именно в этом обнаруживает основу его силы, момент открытия новых возможностей, подчеркивая, что именно «биологическая слабость ... служит первой причиной развития его специфических свойств». [19] Как биологическая слабость сказочным образом устанавливает причины для возникновения сознания – не только непостижимо, но и в высшей степени представляется фантастичным. Кроме этого следует задаться вопросом: почему именно человек получил это приоритетное право – быть носителем сознания и почему антилопа Гну или дождевой червь не погибли без всякого сознания? Как отмечает В.М. Аллахвердов, «животные ... прекрасно приспособлены к среде, они могут формировать ложные образы, выявлять закономерности и т. д. ... Мы не удивляемся, что слонов не надо обучать пить воду с помощью хобота, ласточку – строить гнезда, медведя – впадать в зимнюю спячку ...». [15] Другими словами, не имея сознания и руководствуясь наследственно заложенными программами поведения, животные не утрачивают приспособительные функции, и отсутствие сознания не

сколько не мешает животным быть вполне адаптивными. Таким образом, само происхождение сознания в ходе биологической эволюции можно поставить под вопрос.

2.2. Но человек является не только представителем биологического вида, он не только животное, пусть даже парадоксальное, но еще и социальное существо, или, по определению Аристотеля, «животное общественное». Социальный атрибут человека вне всяких сомнений отличает его от животного, однако происхождение человеческой психики и возникновение сознания из сферы социальных отношений представляется весьма проблематичным. Если судить о человеке далекого исторического прошлого, уже включенного в социальные отношения, то невозможно понять характер социального взаимодействия при том, что люди не обладают сознанием. Социальные паттерны отношений могут быть усвоены человеком только в случае, если он уже обладает сознанием. Только сформированное индивидуальное сознание способно отражать требования других людей. Именно благодаря сознанию человек понимает свои социальные функции и раскрывает свои роли в системе социальной коммуникации. Традиции, моральные императивы, общественные интересы, социальные нормы, образцы приемлемого поведения и общения усваиваются только в силу того, что человек является носителем сознания, субъектом познания и осмысленной деятельности. Социальное – не причина, а следствие существования сознания. Само социальное предполагает в качестве своего условия опыт сознания, сознания с его когнитивными механизмами, позволяющими отражать социальные процессы и самоопределяться в социальном пространстве. Сознательная деятельность – деятельность, по определению, осмысленная (что не всегда говорит о ее разумности), поэтому осмысленность социальным образованиям могут придать только люди с достаточно развитым сознанием. В уже упомянутой работе [15] указывается, что если «в самом начале истории человечества еще не имеющие сознания люди уже умудрялись каким-то образом вступать в социальные отношения, беседовать между собой и т. п. ..., все равно остается загадочным, зачем этим, и так уже общающимся между собой людям, потребовалась способность нечто осознать».

2.3. Еще одной исторически укорененной точкой зрения на проблему происхождения сознания является позиция, согласно которой сознание (душа, дух) является венцом божественного творения, эманацией божественной души в мир. Бог (Абсолют, Логос, Мировая Душа) является источником разумности человека, демиургом его внутреннего мира. Понятно, что такой взгляд на вещи не требует логического обоснования, так как является принципиально неверифицируемым. Правда, это не означает, что подобные мнения не имеют какой-либо ценности (этической, эстетической или какой-то еще), но доказать или опровергнуть справедливость утверждений, опирающихся на религиозные или теологические основания, средствами логики невозможно. Поэтому действительно не стоит искать черную кошку в темной комнате, тем более, если ее там, возможно, и нет.

3 ФОРМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ НОМО PARADOXES

3.1. ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПАРАДОКС

Человек рождается в мире и всегда остается составной частью этого мира. Он неразсторжимо связан с природой, с другими людьми, со всей человеческой культурой. Но, вместе с тем, человек обладает особой сущностью, и с момента сознательного выделения себя из мировой стихии он противостоит миру в своей автономной самостийности. Будучи частью мира, человек одновременно является завершенным целым: участником происходящего в мире, и, вместе с тем, сторонним наблюдателем. Но так или иначе, человек устанавливает отношения с миром и с самим собой, как его частью, благодаря своим познавательным возможностям.

Продукты психической активности в своих конечных интегральных характеристиках не только соотносятся с внешней, относительно психической, реальностью, но и описываются исключительно на языке этого соответствия. Существо перцептивного отражения и природа первичного образа могут быть раскрыты и описаны только исходя из анализа предметных свойств объекта (см. «Перцептивные парадоксы»). Вторичный образ представления также может быть атрибутирован только на языке характеристик и отношений того предметного содержания, которое раскрывается в образе. Существо феномена понимания как конечного интегрального продукта мышления может быть понято только исходя из раскрытия отношений между операндами мышления. Эмоция, являясь выражением непосредственного отношения, а также состояния субъекта, в качестве конституционального основания предполагает наличие того плана реальности, который вызывает эмоциональный отклик, инициирует эмоциональное реагирование. Волевые действия характеризуются исходя из связи субъекта с теми событиями, явлениями, лицами, в отношении которых совершаются произвольные действия и поступки. Другими словами, нельзя воспринимать, представлять и мыслить Ничто. Если бы содержанием сознания могло бы быть Ничто, оно обязательно было бы чем-то. Результирующие образования психической деятельности всегда содержательно наполнены. Соотнесенность, «со-бытие» мира и человека является императивным требованием существования последнего. Таким образом, психический мир человека в своем содержательном аспекте есть проекция существующего *вне* организующей эту проекцию реальности, даже если этой внешней реальностью будет являться собственное психическое содержание субъекта познания (см. п. 3.1.1.). Источники и детерминанты психического развития человека *изначально* находятся не в нем самом, но как же человек порождает проекцию мира, если он сам не имеет психического содержания и соответствующих познавательных механизмов? С другой стороны, если с момента рождения у человека уже есть все познавательные средства, необходимые для построения моделей мира, то резонно спросить, откуда они берутся, ведь отражение, как базовая психическая функция, возможно, когда есть что отражать. Другими сло-

вами, как возможно отражение до отражения? Для того, чтобы возник психический эффект, в качестве обязательного условия является наличие не одной, а двух – отраженной и отражаемой – реальностей. Парадоксальность замыкается в герменевтический круг, становясь порочным кругом.

3.1.1. Гносеологическая амбивалентность человека состоит в том, что он *одновременно* выступает и в качестве субъекта познания, и в качестве объекта познания самого себя. То есть уникальность «человеческой ситуации» заключается в том, что в актах самоотражения (рефлексии) субъект и объект познания являются слитыми, находясь при этом в раздельном существовании. Когда содержание собственной психической жизни (образы, мысли, переживания) становится предметом анализа (мышления, представления, эмоционального реагирования), само это содержание становится такой же внешней относительно когнитивной способности субъекта реальностью, как и объекты и явления физической и социальной природы. Собственное содержание сознания познающего субъекта становится объектно заданным. Именно в актах самоотражения становится объектным психический мир человека (если при этом мы введем ограничение, что система координат находится в «Я», о чем уже говорилось выше), что, естественно, не может быть редуцировано только к элементарным актам интроспекции. Возможны более сложные механизмы самоопосредованного отражения, например: через отражение своей отраженной субъектности в другом, через диалог субъектностей, через совершенный поступок и т. д. Самоотражение может быть реализовано на различных рефлексивных уровнях. («Я думаю о том, что я думаю», «Я думаю, что я думаю, о чем я думаю», «Я думаю, что другой думает, о чем я думаю», «Я думаю, о чем другой думает относительно того, что думаю я относительно того, что думает он»). Проблема рефлексии рассматривается в работах В. Лефевра (см., например [7]). Удивительно не то, что человек способен к самопознанию, а что в момент реализации познавательных актов, направленных на себя, он выступает в единстве субъектно-объектной взаимоотношенности. И, словно двуликий Янус, воплощает в неразрывном целом две противоположные, антагонистические сущности. Субъектная и объектная реальности становятся двумя страницами одного листа. Разрезав одну, мы не можем не разрезать другую, хотя само понятие «субъект» могло возникнуть только потому, что существует объектный мир как его противопоставление, внеположение. Самоотражение есть форма парадоксального существования субъекта и объекта познания в одном лице в один и тот же момент времени. «Я» становится объектным в своем субъектном мире.

Мир человеку дан не таким, каков он есть на самом деле. Но всегда – как проекция этого мира. То есть, как образ или как картина этого мира. В силу этого неустранимы искажения, вызванные неизбежной неадекватностью отображения. Эта неадекватность обусловлена самой природой психического отражения, так как последнее базируется на критериях субъективного выбора и, потому, выбора

свободного (см. «Парадокс свободы воли»). Иначе говоря, формирование картины мира всецело зависит от условий и ресурсов смыслопорождающих механизмов сознания. Здесь достаточно сказать, что мир человеку дан как его модель. И, как уже говорилось, человек составляет часть этого мира, а, значит, и собственную наличность он может воспринимать, представлять, чувствовать, мыслить, совершать в отношении нее те или иные действия только через образы своего «Я». Здесь имеют место два возможных вида проекции: отражение своего психического содержания, о чем уже выше говорилось, причем в составе психического локализованы и социальные образования, относящиеся к сфере личностного, как то: социальные установки, социальные притязания, мотивы, многочисленные социальные роли и т. п., и отражение своего физического «Я». Выступая в качестве агента познания, то есть моделируя действительный мир, индивидуум переживает свое физическое «Я» только как отраженную телесность. Другими словами, образ физического «Я» возникает как эффект серии рефлексивных актов, направленных на познание внешней относительно человека как носителя сознания, предметной реальности. В формировании образа физического «Я» или «схемы тела» важнейшую роль играет тактильно-кинестетическая чувствительность. Подтверждением тому являются хорошо известные случаи фантомных конечностей. После ампутации руки или ноги человек может продолжать чувствовать конечность - ощущать в ней боль, забывать, что она отсутствует, пытаться ею воспользоваться и считать, что может легко управлять ею по своему желанию. По данным Симелл, фантом возникает в 100 % случаев с возраста до ампутации 8 - 10 лет. У одних фантом пропадает, у других же он остается на всю жизнь. [16] По всей видимости, это характеризует «гибкость-ригидность» познавательной системы человека и сформированность его когнитивной способности к пластичному, адаптивному реагированию на изменения условий отражения. Феномен фантомных конечностей демонстрирует возможность существования образа (в данном случае осязательного) при отсутствии отражаемого, то есть того, образом чего является фантом. С момента обладания сознанием физическое «Я» отражается в рефлексиирующем сознании аналогично отражению объектов физического мира. Физическое «Я» никогда не получает статус субъектности, всегда оставаясь в том мире, которому человек противопоставлен в своей познавательной направленности. Не сознание подчинено телу, а наоборот, телесность, будучи отраженной в сознании, в сознании представленной, являет себя только в том виде, который ей придает сознание. Для «*homo cogito*» граница «Человек – Мир» проходит таким образом, что физическое «Я» лежит «по ту сторону» человека.

Как возможно достоверное знание о мире, если мир для человека является проекцией и эта проекция – есть «картина мира», то есть творение самого человека и его «собственность»? Не есть ли познание – всегда самопознание, что предполагает известную дистанцированность от мира и опыт самоограничения в противовес добровольному желанию порабощения внешним и «бегства от свобо-

дь» познания в бессмысленность потерянного времени? Как советовал Г. Гурджиев, «если хочешь знать что-то, ты должен от чего-то отказаться, если хочешь знать все – ты должен отказаться от всего».[17] Но возможно ли это не с точки зрения философского размышления, а с позиции самой организации и нормального функционирования человеческой психики? Достижима ли радость познания в отказе от мира, и как можно радоваться миру, явленному в познании? «Разве только если убегаешь в него», даже если «ты смешно оснастился для этого мира,» – ответил бы Франц Кафка.

3.2. ПЕРЦЕПТИВНЫЙ ПАРАДОКС

Тот факт, что любой психический процесс в своих конечных итоговых характеристиках может быть описан только в терминах свойств и отношений внешних объектов, является отличительным опознавательным признаком психического. [3] Так, восприятие, с одной стороны, являясь функцией органов чувств, описывается не иначе, как в терминах формы, величины, твердости, упругости, проницаемости и т. д. воспринимаемого. Другими словами, в образе восприятия находят парадоксальное воплощение свойства предметного мира. Зрительно воспринимаемый или осязаемый объект дан в отражении агенту познания как образ этого объекта и, характеризуя этот образ, мы используем язык описания свойств внешней относительно психики реальности, хотя при этом сам психический образ свойствами этой предметной реальности не обладает. Л.М. Веккер в этом загадочном «перевоплощении» собственного «нутра» носителя психики в свойства другого, внешнего по отношению к нему физического тела, видит специфичность любого, в том числе и перцептивного, процесса. Субъективно мы воспринимаем не само раздражение зрительного нерва и видим не световые пятна, проецируемые на сетчатку, а предмет таким, каким он существует вне нашей способности к восприятию, хотя, еще раз подчеркнем, сам объект отражения существует в субъекте как образ. Сами изменения в физиологическом органе (глаз, ухо, рука, мозг, нервная система в целом), являясь необходимым (но не достаточным) условием формирования образа, субъектом не осознаются, а обнаруживаются им только как изменения в пространстве отражаемого. Еще раз отметим: объект, обладающий предметными свойствами, существует в субъекте перцептивного отражения как образ, который свойствами своего предметного содержания не обладает, но который при этом описывается исключительно на языке этих свойств. Перцептивный парадокс как раз и демонстрирует таинственность, с которой пытаются справиться на протяжении всего идеогенеза: каким образом физика мира представлена в психике человека? Очевидно то, что психический процесс и психические гештальты как интегральные, конечные продукты этого процесса построены из иного материала, нежели физический. Эти продукты, в том числе и перцептивный образ, не обладают свойствами физического мира, но, как уже говорилось, могут быть атрибутированы лишь на языке этих свойств.

3.2.1. Топология воспринимаемой реальности и пространство отражения никогда не являются тождественными. «Уникальным и таинственным свойством» перцептивной проекции Л.М. Веккер называет способность воспроизведения *места*, которое занимает реальный объект в пространстве отражения. «.. Место в системе отсчета является монопольной принадлежностью каждого данного объекта. ...Разные объекты не могут обладать одним и тем же местом. Ибо обладать местом – значит находиться в нем. Поэтому воспроизвести в одном объекте местонахождение другого можно, только заняв его место. Между тем, именно такое воспроизведение места одной вещи – объекта в другой вещи – органе (*психического процесса - А.А.*), но без того, чтобы это место реально занять, как раз и составляет самое существо описываемого феномена проекции». [3] Другими словами, объект, занимая место в пространстве отражения (и осознаваемый как внешний объект, а не как его копия), реально в нем не локализован. Вместе с тем, только его представленность в субъекте позволяет осознать принадлежность этого объекта к внешнему предметному миру.

3.2.2. Условием формирования перцептивного образа является наличие соответствующего функционирующего физиологического органа. Понятно, что видящий глаз есть условие зрения, ухо – восприятия звука, а тактильно-кинестетическая чувствительность руки необходима для построения осязательного образа при ошупывании предметов. Если физиологический орган необходим как средство, механизм или условие (в данном случае не столь важно, какова его роль), формирования перцептивного образа, если орган участвует *только* в построении образа, то посредством чего мы «видим» этот образ? Аналогичное смятение испытывает В.М. Аллахвердов, спрашивая: «... Кто же смотрит на расположенный в мозгу экран? ... Пусть даже существует ... некое загадочное внутреннее Я, однако как это внутреннее Я может смотреть на экран? У него есть что-то наподобие глаз? И тогда внутри него тоже есть экран?.. Но кто же тогда смотрит на этот экран?» [15]

3.2.3. Перцептивный образ не может существовать без того, чьим образом он является. Образ объекта как психическая проекция возможен, казалось бы, только при наличии этого объекта. В самом деле, как возможно отражение, если то, что отражается, реально не существует? Тем не менее, эмпирические данные показывают, что это парадоксальное свойство восприятия является весьма распространенным в феноменологии психической жизни человека. Примером этого является хорошо известный в психологии феномен эйдети́зма, когда человек после восприятия предъявленного всего на несколько секунд стимульного изображения (например, живописного полотна) способен в течение нескольких минут «видеть» изображение, в то время как оно уже отсутствует в перцептивном поле. В пользу того, что эйдетик действительно видит это изображение, свидетельствует тот факт, что он способен описать мельчайшие подробности и детали предъявленного ранее изображения, не совершая ни малейших мнемических

усилий, а лишь сканируя его на своем «внутреннем» экране. Напомню, что немецкий психолог Й. Йенш, который занимался проблемой зидетизма и описал стадии зидетизма, считал, что этой способностью обладают практически 80% детей в возрасте 13-14 лет. Затем у большинства людей эта способность утрачивается. До сих пор не совсем ясно, какова природа зидетического образа. Является ли это мнемическим следом, ведь актуальные раздражители не действуют на органы чувств, или же это перцептивный феномен, поскольку человек не вспоминает содержание ранее увиденного, а непосредственно считывает информацию с реально существующего образа. Кроме того, при этом регистрируются также движения глаз наблюдателя, как и при обычном восприятии.

Иллюзии или ошибки восприятия, обусловленные влиянием установки субъекта, также относятся к парадоксальным фактам восприятия отсутствующего. Эти факты еще раз доказывают огромную роль «внутренних» факторов в построении перцептивного процесса. Перцептивные гипотезы, проверяемые в опыте восприятия, служат своего рода основанием для интерпретации имеющихся сенсорных данных. Тем самым, осмысленность воспринимаемого объекта во многом определяется самим субъектом и часто вопреки тому, чем является объект на самом деле. Поэтому *видеть* можно одно, а *воспринимать* при этом нечто совершенно другое. Случаи иллюзорного восприятия являются убедительным тому доказательством. По этому поводу красноречиво высказался Роже де ля Тай: «Сколько раз дерево принималось за продолжение дороги, а тень от скалы — за поворот? Страхové компании располагают статистикой, доказывающей, что от зрительного образа до реальности — целая пропасть...»

3.2.4. Парадокс восприятия картин.

Картинь, по выражению Р.Л. Грегори, «ведут двоякое существование» и сами по себе, как объекты физического мира, заключают в себе парадоксальность. В чем же она состоит, и каким образом человек, воспринимая картину, способен видеть одновременно сразу две принципиально отличные друг от друга сферы отражаемого. За видимым на картине открывается реальность трансцендентного по отношению к тем линиям, конфигурациям, хроматическим переходам и светотени, которое определяет картину в ее физическом, объективированном виде. С одной стороны можно видеть только то, что видишь. Но в факте восприятия картин мы встречаемся с удивительной способностью, которая, по всей видимости, является прерогативой только человека, воспринимать актуально невозможное и даже не существующее в актуальном времени и в пространстве зримого. М. Мерло-Понти в своем эссе, посвященном анализу восприятия живописи, писал: «...У меня вызвал бы значительные затруднения вопрос о том, где находится та картина, на которую я смотрю. Потому, что я не рассматриваю ее, как рассматривают вещь, я не фиксирую ее в том месте, в котором она расположена, мой взгляд блуждает и теряется в ней, как в нимах Бытия, и я вижу скорее не ее, но сообразно ей или с ее участием». [12] Зрение по ту сторону визуальных

данных и составляет существо парадоксального видения картины. Картины, в большинстве своем, это отражение или проекция трехмерного объектного мира на плоскость холста или бумаги. Человек, воспринимая картину, «бессознательно умозаключая» о существовании еще одной размерности за пределами воспринимаемой плоскости, фактически осуществляет операцию, обратную той, которую совершал художник. На примере зрительного восприятия картинных изображений можно показать, что перцептивное отражение представляет собой поиск наилучшей интерпретации имеющейся сенсорной информации, так как действительные объекты, изображенные на картине, могут быть чем-то совсем иным, чем они есть в проекции. Более того, ни одно изображение действительного объекта не является точно выполненной проекцией этого объекта, что совсем не мешает нам осмысленно воспринимать видимое и даже испытывать при этом эстетические переживания. Восприятие живописи таит в себе немало тайн, которые пытаются разгадать «разумный глаз». Недаром М. Мерло-Понти указывал: «Сущность и существование, воображаемое и реальное, видимое и невидимое, – живопись смешивает все наши категории, раскрывая свой призрачный универсум чувственно-телесных сущностей, подобий, обладающих действительностью, и немых значений.» [12]

Р. Грегори в своей работе [4] выделяет несколько разновидностей парадокса картин:

1. Все картины парадоксальны в силу того, что каждая из них есть (физически) узор на плоскости, но (зрительно), помимо узора на плоскости, содержит еще и трехмерное пространство объемных объектов. В этом заключается двойственная реальность картин, делающая их уникальными предметами зрительного восприятия.

2. Картины могут содержать несовместимые указания на глубину пространства. Поскольку художник свободно выбирает приемы и планы, которыми пользуется для передачи глубины, он волен создавать большое число разных вариантов возможного парадокса этого рода. Но в мире объектов такой парадокс невозможен.

3. Картины могут оказаться парадоксальными случайно или направленно – когда у наблюдателя создается впечатление, приводящее к выбору неверной перцептивной гипотезы вместо той, которая необходима, чтобы дать правильную интерпретацию, то есть увидеть картину в соответствии с законами нормального объективного мира.

Не все парадоксы восприятия картин поддаются решению. Картины, которые содержат несовместимые элементы или противоречивую информацию, могут быть однозначно «прочитаны» путем выбора такой перцептивной гипотезы, которая бы позволяла снять противоречие, разрушив тем самым парадокс. Однако это не всегда возможно. Известные гравюры Мориса Эшера представляют собой пример неразрешимого парадокса. Ни одна перцептивная гипотеза, ни

один вариант интерпретации изображения не позволяют совместить не просто невозможное, а логически несоединимое. Сама композиция таких картин построена на совмещении в одном пространственном контуре разноплановых фрагментов изображения. Поэтому восприятие целостности глубинного строя картины встречает непреодолимое противоречие.

3.3. МНЕМИЧЕСКИЙ ПАРАДОКС

Примером парадоксального свойства памяти может служить известный феномен «на кончике языка». Желая вспомнить «забытое» имя или какое-либо слово, человек зачастую не способен актуализировать в сознании нужную информацию, хотя при этом он не может не помнить то, что тщетно пытается вспомнить. Если помнит (а в этом нет сомнений, ведь когда человек не может воспроизвести искомое слово, он всегда способен назвать любое слово, которое «забытым» не является), что же тогда блокирует доступ к нужному содержанию памяти?

Многочисленны случаи искаженного, неадекватного воспроизведения за-помненного, при этом часто человек обнаруживает несоответствие того, что запомнилось, тому, что воспроизведено, то есть, осознает ошибочность результатов своего воспоминания. «Каким образом человек способен оценить, что он что-то вспоминает, но неточно?» – задается вопросом В.М. Аллахвердов. «Для этого ему, казалось бы, надо сравнить то, что он вспомнил с тем, что было на самом деле. Но тогда то, что было на самом деле, должно храниться в памяти. Почему же тогда человек ошибается, если то, что требуется вспомнить, заведомо находится в памяти? И ведь человек к тому же еще должен быть способен эту информацию найти, иначе ему не определить, что он ошибся.» [15] Очевидно, что в познавательной сфере человека существуют определенные механизмы сличения с эталонами памяти. В противном случае даже перцептивный образ был бы для субъекта бессмысленным, что в свою очередь не только делает невозможным регуляцию внешней деятельности, но и упраздняет условия познания в его элементарных формах. Благодаря механизму сличения обеспечивается идентификация и опознание знакомых объектов (следы запечатления которых хранятся в долговременной памяти). Если человек знает, что он неверно воспроизвел ранее запомненный материал, значит, осознание неточности произошло только при уже известном результате сличения, и при этом эталонное содержание памяти остается недоступным для актуального осознания. Не означает ли это, что огромный массив информации, хранящейся в долговременной памяти, есть бессознательное содержание и можно ли столь скандальную в психологии проблему бессознательного рассматривать в плоскости психологии мнемических процессов? Ведь в каждый момент времени мы способны осознавать только то содержание, которое актуально представлено в сознании. Концентрируя свое внимание на объекте восприятия, представляя ранее воспринятое или размышляя о парадоксах психического, мы в этот же самый момент не осознаем огромное количество информа-

ции, хранящейся в нашей памяти, как-то: собственное имя, домашний адрес, во что мы одеты, с кем мы провели вечер накануне, то, о чем мы говорили 5 минут назад, что станет материалом сознания в последующие моменты времени, не осознаем факт того, что мы дышим, воспринимаем, представляем или мыслим и т. д. при условии, что все это не присутствует в наличный момент времени в качестве элементов актуального содержания нашего сознания. Однако то, что осознается, является осмысленным только благодаря латентному бессознательному контексту нашего мнемического опыта. Парадокс работы памяти у человека состоит в том, что всегда осознавая что-то одно, а значит актуально сохраняя в памяти что-то одно, человек одновременно помнит обо всем, что составляет психическое содержание. Надо сказать, что в многочисленных теориях, авторы которых рассматривают проблему бессознательного, начиная с Герберта Фехнера и заканчивая представителями трансперсональной психологии, явно или косвенно признается, что бессознательное *хранит* элементы опыта, актуально недоступные для осознания. То есть, бессознательному традиционно приписывается мнемическая функция. Оставляя в стороне рассмотрение частных аспектов психологии бессознательного и указывая родовую принадлежность этой части психического пространства человека, следует уверенно утверждать, что проблема бессознательного – это прежде всего проблема организации памяти. Если память понимать не просто как «хранилище информации», а как универсальный механизм организации всего психического содержания человека, включая и бессознательный опыт. Сама память имеет иерархическое строение, и можно выделять различные мнемические уровни и говорить о генетической памяти, безусловно-рефлекторной, условно-рефлекторной, моторной, аффективной, образной, вербально-логической. В настоящее время в психологии памяти является признанным положение, согласно которому содержанием мнемических следов выступают смыслы как «консервы» ранее полученных впечатлений. Опыт, в том числе опыт чувственных впечатлений, знание способов и приемов действий, опыт поведения и общения имеет смысловую структуру. Иерархия уровней памяти является психологическим субстратом свойств личности. В каждый момент времени мы помним все, что составляет содержание памяти. Само по себе это утверждение тривиально. В самом деле, как можно не помнить о том, о чем помнишь? Но известно, что память – это совокупность мнемических процессов. Воспоминание, актуализация соответствующих следов памяти есть только одна из сторон мнемике человека. Операции, осуществляемые в ходе процесса произвольного воспоминания, являются сознательными операциями. Эффективность воспоминания, таким образом, связана не с наличием или отсутствием искомого содержания в психике человека, а с успешностью реализации сознательного выбора. Забыть поэтому не означает «не помнить». И всегда помня о чем-то одном, мы помним одновременно обо всем, что мы помним, что иначе как парадоксом не назовешь. Вспоминая забытое имя, мы помним, чье имя мы вспоминаем, помним,

что это имя принадлежит человеку, что этот человек мужчина, а не женщина, мы помним, чем отличается мужчина от женщины, помним о том, кем является этот человек, помним, наконец, что забытое имя мы действительно помним, но, вместе с тем, не можем его вспомнить. Того, кто думает, что он нечто необратимо забыл, можно утешить — он все помнит, только не может вспомнить.

Осознание — это всегда осознание чего-то одного, в то время как бессознательный контекст осознаваемого ограничивается (если вообще можно говорить о каких-то границах) пределами всего психического опыта человека. Вне этого бессознательного контекста акты сознания невозможны.

Собственно осмысленность сознательных актов возможна благодаря априорно существующим семантическим связям в структуре психического опыта. Если предположить (и это предположение настолько правдоподобно, что возникает соблазн принять его за достоверное), что ни один элемент в памяти не является изолированным, то при актуализации этого элемента, то есть сознательном выборе его в качестве материала при построении психического процесса, все те элементы, которые с ним связаны, но не участвуют в построении образа, не составляют содержание переживания или не включаются в операндный состав мышления и т. д., также латентно репрезентированы сознанию. Таким образом, бессознательное выступает актуальным оформлением сознательного содержания психики в наличный момент времени. На языке гештальтпсихологии отношения между сознательным и бессознательным можно охарактеризовать как фигуру-фоновые. При этом бессознательное (фон) является неоднородным по составу, и в каждый момент времени возможна смена фигуру-фоновых отношений. Тогда элементы бессознательного, сознательно выбранные, становятся содержанием текущего познавательного процесса, а бывшие фигуры становятся элементами фона. Познавательный процесс всегда опирается на бессознательную основу. Осмысление значения внешней стимуляции, в том числе и вербальной, равно как и смыслообразование в формах внешней активности, предполагает актуализацию широкого смыслового контекста в сфере бессознательного. Как уже говорилось, чтобы осознать что-то, требуется помнить о много большем, чем это необходимо для актуального запроса сознания. Но помнить — это не что иное, как сохранять смысл в тех отношениях, через которые он может быть репрезентирован сознанию.

Главный вопрос, который следует решить, — это вопрос о том, как в сознании представлен бессознательный контекст, каким образом сознание использует информацию о структурных связях того смыслового содержания, которое находится в фокусе сознания. Если предположить, что в поиске необходимого содержания опыта сознание действует методом проб и ошибок, то совершенно невозможно было бы объяснить не только эффективность, а порой и поразительную точность, но и какую-либо разумность в действиях человека.

Факт, который неопровержим — сознание всегда «знает», что ему нужно. В

каждый момент времени в поле сознания находится то смысловое содержание, которое в нем находится. Что определяет критерии выбора? От чего зависит эффективность этого выбора? Какова судьба отвергнутых альтернатив? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо построить принципиально иную модель бессознательного. Чаще всего психологи делают акцент на изучении механизмов осознания, причем, хотя и говорят о взаимодействии сознания и бессознательного, но считают, что это две различные, противостоящие друг другу сферы психического. Тем не менее, феноменология бессознательного включает в себя целый ряд эмпирических проявлений бессознательного как прошлого содержания сознания. Это не означает, что бессознательное как прошлое сознание исчерпывает собой все эмпирические данные. Как говорилось выше, память, организуя психический опыт человека и сохраняя ранее полученные впечатления в виде смыслового содержания, имеет иерархическое строение, и поэтому не только сознание является источником поступления информации в бессознательное, но так или иначе за сохранение любого психического содержания ответственна память. В практике психоанализа принято считать, что осознание источника фобии или невротического конфликта обладает целебной силой. Но осознать невозможно, не помня о том, что именно нужно осознать. Другими словами, то, что осознается, должно храниться в долговременной памяти. В этом смысле задачей психоанализа является создание таких условий, при которых пациент был бы способен вспомнить (а значит, и осознать) то, что он помнит, но вспомнить не может.

Целью данной статьи не является обсуждение сложнейшей проблемы бессознательного. Мне лишь хотелось наметить контуры возможного подхода рассмотрения бессознательного как мнемического феномена.

3.4. ПАРАДОКС МЫШЛЕНИЯ

(ПАРАДОКС «РЕМИНИСЦЕНЦИИ» ПОНИМАНИЯ)

Как известно, отправным пунктом мышления является осознание субъектом проблемной ситуации. По определению считается проблемной та ситуация, которая несет в себе неопределенность, содержит дефицит информации. Собственно мышление и есть движение мысли от осознания неопределенности связей и отношений между элементами в структуре проблемной ситуации к пониманию как результирующему эффекту мыслительного процесса. Таким образом, снятие неопределенности, преодоление энтропии, порождение смысла является конечной целью мышления. Для того, чтобы понимание состоялось, необходимо исходное непонимание. Иными словами, без начального непонимания мышление невозможно. Оно определяет подготовительный этап мышления. Обнаружение собственного непонимания можно расценивать как старт психической активности мысли. Для того, чтобы этот старт состоялся, нужно оказаться в непонятном, что также требует от человека когнитивных усилий. Выявление, «опознание» своего непонимания, в свою очередь, происходит только вследствие его понима-

ния. Поэтому непонимание выступает в качестве продукта акта понимания, как следствие понимания. Не понимая что-либо, человек при этом всегда понимает свое непонимание и только таким образом обнаруживает последнее. Понимание такого вида назовем *негативным* пониманием.

Сознание есть механизм смыслопорождения. И те смыслы, которые служат эффектами понимания (в том числе и смысл понимания того, что является непонятным), представляют собой формы отражения мыслей в рефлексирующем сознании субъекта. Другими словами, если смысл обнаружен, то в момент «завершения гештальта» субъект знает об этом. Поэтому понять – означает понять свое понимание. То понимание, к которому стремится мышление (назовем его *позитивным* пониманием), не приращиваясь в ходе мыслительного процесса, а возникая как «ага-переживание», как симультанное целостное узнавание, как эврика, в качестве соответствующего искомому дефициту информации, принимается вследствие его понимания как такое понимание, которое адекватно решению мыслительной задачи. Позитивное понимание всегда узнается, или, иначе, понимается в качестве такового. В чем же состоит парадокс? Разве в формуле позитивного понимания: «я понимаю свое понимание непонятого» не содержится ни малейшего противоречия? Второй стороной парадокса понимания является тот факт, что всякая мысль, рожденная в мышлении, является *новой* мыслью. В противном случае мышление не могло бы состояться, если бы не требовалось разрешать проблемную ситуацию, которую разрешить можно только *новым* способом, иначе бы она не была проблемной. Если позитивное понимание – понимание качественно новое, то каким образом субъект может узнать его (ведь он понимает, что он понимает) и, следовательно, признать пригодным? Если позитивное понимание в качестве понимания субъектом понимается, значит это понимание существовало априорно, и уже до момента его узнавания было знакомо человеку. Вместе с тем, позитивное понимание должно быть неизвестным, совершенно новым образцом понимания. Иначе для чего же мышление искало выход из проблемной ситуации?

Наверное, всем хорошо известно, что Платон мышление рассматривал как мнемический процесс, а мысль человека – как результат воспоминания идей. Анализ парадокса понимания встречается в работах М.К. Мамардашвили [10], который усматривает в этом феномене одно из самых загадочных проявлений человеческого сознания: «... у нас в голове какая-то мысль. Откуда она? Она в нашей голове, но – откуда она появилась? Из ничего? Вот то, что мы называем обычно *новым* (курсив - М.К.), – какое-то открытие, изобретение... Почему, каким образом возможна новая мысль, ведь, чтобы *принять* (курсив – М.К.) ее как мысль, мы должны ее узнать в качестве той мысли, которая разрешает какую-то проблему. Не узнав, ее нельзя иметь, какая бы она ни была. А если узнали, то уже знали. И что – значит, тогда вообще мыслить нельзя?!»

3.5. ПАРАДОКС СВОБОДЫ ВОЛИ

Человеческая психика есть совокупность систем с избыточным количеством степеней свободы. Каждый с определенностью может утверждать, что способен вспомнить все, что пожелает (или, по крайней мере, способен все что угодно пожелать вспомнить), обратить свое внимание на то, что захочет, представить и помыслить все, что угодно... В самом простейшем, элементарном виде свободная воля выражается в идеомоторном акте. Каждый строит свой внутренний мир по собственному усмотрению. Каждый свободен выбирать «строительный материал» и архитеконику своего мира. Избыточность степеней свободы есть непрелюбое условие относительной адекватности познания мира, точности в работе когнитивных механизмов. По выражению И.М. Сеченова, человек всегда способен действовать «на много ладов». Психическая активность – по определению – активность свободная. Свободный характер психической деятельности человека Л.М. Веккер рассматривает как опознавательное свойство психического. [3] Ни физиология организма, ни социология окружения, ни физика предметного мира не устанавливают законы психической деятельности. Детерминанты психической активности лежат в сфере психического. [1] Это не означает, что физический и социальный стимулы не вызывают изменений в функционировании психической организации. Однако, как отмечал С.Л. Рубинштейн, внешние воздействия (а к ним, относительно сознания, следует причислять и внутрителесные изменения носителя сознания) вызывают реагирование, всегда преломляясь через внутренние условия. В конечном итоге человек всегда сам инициирует свою активность. Что же является причиной свободного выбора субъекта? Да и как возможно свободное, а значит недетерминированное, поведение живой системы? Очевидно, что сам свободный выбор, оставаясь свободным, с необходимостью должен иметь причинные основания. Если бы таких оснований не существовало, не было бы возможным прогнозирование поведения человека, предвидение последствий его действий. Да и само существование психологии как научной дисциплины было бы невозможным. Если свобода замыкается на самой себе, являясь «возможностью еще большей свободы», значит человек не несет ответственность за совершенное, так как беспричинная свобода может существовать лишь в сфере случайного. Не неся ответственность за проявления своей свободной воли, человек становится несвободным в возможности свободного выбора. То, что человеку представляется свободным желанием, свободным поступком – есть проявление действия причин, которые сам человек не осознает, но которые становятся основаниями мыслей, переживаний, представлений, волевой активности и т. д. Такой вид детерминизма, когда одни причины вызывают к жизни другие причины, которые становятся независимыми, субъективными основаниями свободного воления, В.М. Аллахвердов называет «инодетерминизмом». [2] Человек одновременно является и свободным существом, причиной самого себя, но, вместе с тем, в самополагании человек детерминирован условиями, возникающими в

процессе самоопосредования. Свободная воля (которая, исходя из определения, не имеет причины вне себя) оказывается детерминированной. Психология как раз и пытается описать и объяснить каузальные связи в организации психического опыта. На основании того, что психическая активность является свободной активностью, одной из важнейших задач психологии является определение характера причинности свободы.

3.5.1. Свобода себя не гарантирует. Будучи свободным, человек, вопреки этому, не свободен избавиться от всего нежелательного и быть причиной желаемых событий по собственной воле. Желания: иметь красивую мысль в своем сознании, испытать катарсис при чтении гениальной книги, полюбить другого человека, написать стихи, имеющие хоть какие-либо художественные достоинства и т. д., являются, конечно же, желаниями свободного человека. Но надо заметить: свободно само желание, в то время когда его исполнение не зависит от свободной воли человека. Ведь от того, что я себе скажу: «я свободен и желаю написать гениальную музыку», или «я хочу, поскольку это должно и правильно, испытывать скорбь на похоронах своего лучшего друга», или «Я желаю в данный момент испытать сильное чувство к другому человеку» не зависит совершение события. События нашей психобиографии являются дискретными точками на жизненном пути. Мы свободны в движении к этим точкам, но не в момент нахождения в них. События инсайта, творческого экстаза, любви, ненависти, безрассудных и героических поступков могут случиться, а могут и не случиться, независимо от того, свободно ли наше желание относительно них или нет.

Желая написать красивейший портрет Homo Paradoxes, приходится смириться с мыслью, что красивой была сама идея, а что касается ее реализации – судить тебе, многоуважаемый читатель

POST SCRIPTUM

К сожалению, объем статьи не позволяет рассмотреть другие формы парадоксальности, например: парадокс негативных эмоции (феномен получения удовольствия от негативных переживаний, амбивалентность чувств), этические парадоксы (см. [5]), парадокс множественности – единственности «Я» (парадокс единомножия «Я»), логические парадоксы, парадоксы вербального общения (проблема осмысления значений и означивания смыслов), психотерапевтические парадоксы («парадоксальная интенция» В. Франкла).

ЛИТЕРАТУРА

1. Агафонов А.Ю. Смысл как единица анализа психического // Вестник СамГУ. 1998 №3
2. Аллахвердов В.М. Опыт теоретической психологии. СПб., 1993.
3. Веккер Л.М. Психические процессы: В 3-х т. Т.1. Л., 1974.

4. Грегори Р.Л. Разумный глаз. М., 1972.
5. Казаков А.Н., Якушев А.О. Логика - I. Парадоксология. М., 1994.
6. Леонтьев А.Н. Философия психологии. М., 1994.
7. Лефевр В. Конфликтующие структуры. М., 1978.
8. Лиепинь Э.К. Категориальные ориентации познания. Рига, 1986.
9. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М., 1992.
10. Мамардашвили М.К. Картезианские размышления. М., 1993.
11. Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. Лекции о Прусте. М., 1997.
12. Мерло Понти М. Око и дух. М., 1989.
13. Петровский В.А. Личность в психологии: Парадигма субъектности. Ростов-н-Д., 1996.
14. Петровский В.А. Очерк свободной причинности // Вестник СамГУ. 1996. №1.
15. Психология / Под ред. А.К. Крылова. М., 1998. Гл. 6. «Сознание и познавательные процессы».
16. Симмел М.Л. Фантомная конечность (Резюме) // Хрестоматия по ощущению и восприятию / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, М.Б. Михалевской. М., 1975.
17. Успенский П. Tertium organum. М., 1990.
18. Флоренский П.Д. Столп и утверждение истины. М., 1990.
19. Фромм Э. Человек для себя. М., 1992.

ОДИНОЧЕСТВО И КОНФЛИКТ

А.В. Нечаев

Заявленная тема звучит, возможно, несколько необычно. Во всяком случае, мне не удалось встретить ни в российской, ни в зарубежной научной литературе сколько-нибудь последовательных исследований взаимосвязи или хотя бы сравнительного анализа этих двух важнейших состояний человеческого существования. Это состояния, в которых человек проявляет себя не как частичное существо, а как целостное, в них реализуется его качественная определенность. И уже только этим они заслуживают особого внимания. Но дело не только в этом.

Одиночество и конфликт – это два фундаментальных состояния человека, которые не просто взаимовлияют, а взаимообуславливают друг друга и связаны самой крепкой связью – они составляют одно целое и выступают как противоположности. Одиночество – это состояние переживания своей исключительности, вплоть до рефлексии своей исключенности. Конфликт – это состояние требования, утверждения своей исключительности, вплоть до исключения субъективности всех остальных. Могу предсказать результаты еще не проведенного психологического исследования: люди, по определению бесконфликтные, не отрефлексируют и своего состояния одиночества,